

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.3-32.09 + 929 [Ядвигин Ш.]

Русскоязычная новелла в творчестве Ядвигина Ш.

И. Б. АЗАРОВА

Бесспорно, народный анекдот представляет собой весьма продуктивный материал для авторов, с него чрезвычайно легко развивается фабула художественного произведения. Белорусская и русская классическая литературы преподносят нам великолепные примеры использования этого небольшого, но ёмкого жанра народного творчества. «Для «Повестей Белкина», как и вообще для пушкинской новеллы, – отмечает Н.Л. Степанов, – характерно обращение к анекдоту (в его старом, традиционном значении фактического происшествия, необычного случая)» [1, с. 71]. Проза Н.В. Гоголя – повести «Нос», «Шинель», поэма «Мертвые души» – тоже имеет народную основу.

Именно анекдотичность сюжета дает возможность «создать напряженно-сюжетное повествование, сконцентрировать действие вокруг основного сюжетного узла» [1, с. 71], внести в народную основу свое понимание жизни, сложной и прекрасной. И чем выше талант писателя, тем больше у него возможностей проявить себя, дать неограниченное число разнообразных форм творческого использования народных анекдотов. Именно на этом уровне следует указать на близость данного литературного жанра с другим – новеллой, которую отличает «острый центростремительный сюжет, нередко парадоксальный; отсутствие описательности и композиционной строгости. Поэтизируя случай, новелла предельно обнажает ядро сюжета – центральную перипетию, сводит жизненный материал в фокус одного события» [2, с. 248]. Именно новелла в ее многочисленных модификациях чрезвычайно плодотворно использовалась Ядвигиным Ш.

Примеры анекдотизма в новеллах Ядвигина Ш. довольно выразительные. В начале произведения проводится экспозиционная характеристика действующих лиц, что в свою очередь способствует усилению в дальнейшем юмористического звучания финальных частей произведения. Стремительная событийность в сочетании с образностью лексических средств, фразеологическими выражениями, синтаксическими конструкциями, соответствующими разговорному стилю, – все это возвышается над развернутостью описаний и способствует созданию ёмких фабульных зарисовок («Шах-мат», «Лотерея»).

Иногда события подаются не через воспроизведение их рассказчиком, а как реальные, которые проходят в настоящее время и за которыми читатель может следить непосредственно. Здесь косвенность отражения сведена до минимума, отсутствуют соответствующий субъективно итоговый отбор и смысловая стилизация событий.

Комично-образное противопоставление позволило автору утвердить в рамках одного произведения особую художественную систему создания новеллы-шутки (анекдота) с непрямым способом отражения и раскрытия сущности событий. Юмористический рассказ-новелла 19-начала 20 века, имея много общего, складывается в эстетическую систему с характерными для нее специфическими принципами отражения действительности. Это послужило великолепным базисом для развития сатирической художественной прозы в 20-х годах 20 века.

Современный исследователь А. Макаревич выделяет среди многообразия жанровых форм белорусской юмористической и сатирической прозы следующие новеллистичные по

характеру: «гумарыстычная навела бытавога маралізатарскага характару, бытавая гумарыстычная навела, навела-жарт, гумарыстычная навела анекдатычнага характару» [3, с. 56]. Следует заметить, что для юмористических произведений Ядвига Ш., поданных в форме рассказа-анекдота (или новеллы) от достоверного лица, характерна индивидуализация образов, которая выявляет особенности миропонимания персонажей. При оценке идейно-художественных достоинств вышеобозначенных групп произведений целесообразно учитывать их жанровую форму и жанровую традицию, в которой происходит сознательное утрирование персонажем своего поведения, сведение его в фокус событийной эксцентричности и утрирования, иногда абсурдности. О. Лойка отмечает, что «якраз з-за сваё залішняй даверлівасці многія героі Ядвігіна Ш. трапляюць у сітуацыі, якія ў той ці іншай ступені іх прыніжаюць. З мудрацоў яны пераўтвараюцца ў прастакоў, добра, калі наіўных дзяцей сля, а то часам ледзь не ў пітэкантропаў» [4, с. 288].

Действительно, для белорусской прозы начала 20 века характерно, с одной стороны, полное утрирование крестьянских характеров (юмористическая и сатирическая проза), с другой – частичная смысловая недосказанность, а в некоторых случаях отсутствие законченных идейных оценок литературных характеров и образа их жизни. Причина этого – скорее всего, в прототипных образах и окружении. Авторы как шли за правдой жизни, не подвергая ее значительному литературно-философскому осмыслению.

Какой представляется сущность характера простого человека в произведениях Ядвига Ш., в том числе и в новеллах? Литературный герой (особенно, крестьянин) не всегда самораскрывается до конца, он склонен недоговаривать, иносказательно оценивать события, иногда утрировать их, одновременно доверяет и не верит, в большинстве жизненных ситуаций он немногословен, а то и просто упорно молчит. Хозяйственная или безхозяйственная эксцентричность, его настойчивая ориентация на определенную позицию иногда воспринимаются окружением с некоторой враждой. Общественно-политическая обстановка, в условиях которой создавались произведения, тоже предполагала некоторую авторскую недосказанность или лишь намек на позицию писателя. В то же время историческая подвижность художественных произведений ставит многое в литературе на свое объективно независимое место. Звучание образов актуализируется новым временем, авторские оценки и отношение к историческим реалиям (даже опосредованное) звучат на полную мощь. В итоге внешнее, по форме реалистичное (сатирическое или юмористическое) принижение оказывается на самом деле возвышением сущности характера и наоборот.

В новеллах Ядвига Ш. за внешним, кажущимся смешным скрывается более существенное и значительное. И те же самые образы и события прозы этого автора, возобновленные в другом стилистическом контексте, могли бы восприниматься читателем негативно и объективно были бы настоящей критикой крестьянской жизни, загнанной в болото беспросветности.

Наиболее выразительны в стилевом отношении «Маленькая повесть», «Шах-мат», «Милка». Завораживает проникновенность и искренность рассказчика. Эмоциональность, образность речи героя, народно-разговорный стиль, характерные синтаксические конструкции, обращения, сочетание боли, горя, обиды, доброты и ласки – все это содействует созданию необычайно колоритного и содержательного характера. Изображая, казалось бы, общие для России и Беларуси проблемы, Ядвига Ш. остается сыном своей Родины, белорусом. Его героев зовут просто Сёмка, Василь, Тацяна, Лыска, Сымон, Янка, Михалка и т.д. Он сознательно вводит в текст белорусские слова, обороты, целые белорусские фрагменты: «Як толькі запелі першыя пятухі...» [5, с. 330], «Нічога: хадзіла, хадзіла і нічога не выхадзіла: мусі тыя – хатнія перакупілі – больше далі» [5, с. 331], «Паночку, чым я вінен! Гэта каштанка, каб яе паралюш, рванула убок...» [5, с. 385], «Удава горш сіраты» [5, с. 330] и т.д.

Среди языковых особенностей необходимо отметить наличие в тексте белорусизмов и белорусских синтаксических конструкций: «Решилась идти искать» [5, с. 330], «пажичила» [5, с. 331], «собака Нептун» [5, с. 337], «лагери» [5, с. 339], «добрый конь» [5, с. 318] и т.д.

Речь героев изобилует белорусскими пословицами, поговорками (иногда и русскими): «Кажуць, адна бяда – не бяда, але тады кепска, калі бяда на бядзе – як на нітачцы» [5, с. 362],

«Ты іграеш, як сам знаеш, а я скачу, як сам хачу» [5, с. 358], «на беднага Макара і шышкі вальяца» [5, с. 385], «Чин чина почитает» [5, с. 365], «Рука руку моет» [5, с. 371], «Не подмажешь, не поедешь» [5, с. 371]. Своеобразный колорит придает использование крылатых выражений на латыни и греческом языке, библеизмов: «козел отпущения» [5, с. 367], «Выйти из воды сухим» [5, с. 372], «Дамоклов меч» [5, с. 373], «О великий Зевес!» [5, с. 382], «*manus manum lavet*» [5, с. 371], «О, *tempora! tempora!!*» [5, с. 381], «*Vis-à-vis*» [5, с. 381], классическое приветствие легионеров Древнего Рима: «*Ave Caesar imperator, Morituri te salutant!*» – «Няхай жыве імператар Цэзар! Ідучыя на смерць вітаюць цябе!» [5, с. 396].

Выразительные примеры: «По части скрибомания» [5, с. 376], «вольнодумничаєте больно» [5, с. 379], «зарыбить прудик карасямя» [5, с. 380], «Оркестр чудный! Га!.. Играть хорошо и задорно не только на струнах своих инструментов, но и на струнах публики» [5, с. 384] свидетельствуют об умении Ядвига Ш. владеть образно-изобразительными речевыми средствами, создавать цельные и законченные художественные образы от юмористических и сатирических (как у А.П.Чехова), до гротескных (как у М.Е.Салтыкова-Щедрина).

Показательная примета новелл, как и других произведений Ядвига Ш., – динамизм художественного действия. Он достигается яркого освещения самого существенного, и это компенсирует необходимость развернутых описаний. Представляет интерес используемый автором прием взаимоисключаемости намерений героев и объективного содержания их поступков. Это существенная черта фабульного движения, которая способствует созданию юмористических образов и ситуаций в новеллах или новеллах-анекдотах в форме повествовательных историй.

В белорусской литературе начала 20 века сложно найти новеллу классического характера и строго выдержанной формы. Дело в том, что в данный период этот литературный жанр подвержен структурным изменениям, которые приводят «да формавага ў межах жанру перакрываюцца, своеасаблівага сцяжэння розных формава-стыльёвых прыкмет у межах асобнай жанравай мадыфікацыі з адпаведнай усё ж формавай дамінантай у ёй» [3, с. 105]. Действительно, в реалистических новеллах Ядвига Ш. наблюдается в границах жанра скрещивание развернутой в событийном отношении повести и новеллы, а также описательной истории и новеллы. Однако, как указывают исследователи, доминируют признаки новеллы с характерными для нее приемами отражения действительности.

К примеру, в центре «Маленькой повести» находятся два абсолютно связанных своей событийной стремительностью непродолжительных эпизода из жизни литературной героини. К данным эпизодам примыкает ретроспективного и эпилогового характера информация, которая в сочетании с событийностью акцентирует в произведении характерные для классической новеллы композиционные элементы и придает ей назидательность, в нашем случае – даже с оттенком морализаторства.

Новеллы Ядвига Ш., которые созданы немного позже, приобретают полную событийную разветвленность и имеют схожесть с событийно-развернутыми повествовательными формами. Это происходит благодаря использованию авторских характеристик литературных героев, ретроспективной информации и ретроспекции, авторским примечаниям и комментариям. Все это в сочетании с центростремительностью, сведением жизненного материала повестей или рассказов в фокус одного события позволяет характеризовать их жанровую модификацию как новеллу.

Abstract. The object of research of this article is the genre of a short story and its numerous updates in Russian-Speaking prose of Jadwigin Sh. Among the variety of genre forms of the Belarusian comic and satirical prose the author divides the following short stories on their character: a comic short story of moralising character, a short story - joke, a comic short story of anecdotal character.

Литература

1. Н. Л. Степанов, *Проза Пушкина*, Москва, 1962.

2. *Литературный энциклопедический словарь* / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. Ред. колл.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др., Москва, Сов. энциклопедия, 1987.

3. А. М. Макарэвіч, *Праблема жанравых мадыфікацый у беларускай прозе XIX – пачатку XX ст.*, Выд-ва Магілёўскага дзярж. ун-та імя А.А. Куляшова, 1999.

4. А. А. Лойка, *Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры. Дакастрычніцкі перыяд*, Мінск, 1989.

5. Ш. Ядвігін, *Выбраныя творы*, Мінск, 1976.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 15.05.05

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ имени Ф. СКОРИНЫ